

АНСАМБЛЬ

Повесть

Занавеска раздвинулась, и на сцену вывалился седой взъерошенный старик в коротком клетчатом пиджачке, кремовых брюках и розовом платочке, франтовато повязанном на шею. Был он довольно высок ростом, осанист и смугл. Улыбаясь и пританцовывая, старик достиг середины сцены, вынул из брючного кармана початую бутылку, смачно отхлебнул, крикнул от удовольствия и, широко раскинув руки, запел на цыганский манер:

Как много женщин и вина,
Веселье, смех кругом...

За кулисами грянули гитары, ударили бубны и, вслед за стариком, на сцену вывалился целый цыганский табор: кудрявый цыган с гитарой и четыре хорошенькие цыганочки в цветастых нарядах. Они запели и закружились вокруг старика, а в глубине сцены, незаметно появившись из-за кулис, примостился лукавый толстячок с бакенбардами.

Девицы пели, танцевали и казались вполне дружелюбными, пока все разом не влюбились вдруг в кремового старика. Не выдержав такого удара, старик, выпив яду, театрально умер на сцене и спектакль закончился.

Актеры покинули сцену и собрались у большого стола в глубине зала.

— Спасибо, ласточки. Молодцы все, — похвалил старик, отряхивая колени. — Вам понравилось? — спросил он у единственного в зале зрителя.

— Да, — ответил голубоглазый юноша, смущаясь оттого, что попал в центр внимания.

Во время спектакля он скромно сидел в дальнем углу сырого полуподвала, в котором размещался театр.

Театр! Есть что-то возвышенное и прекрасное в этом слове, слышится в нем горячий шепот влюбленных, вкрадчивый голос соблазна, шум сражения и гром небесный.

Увы, складское помещение наименьшим образом подходило для создания таинственной атмосферы театрального волшебства.

Подвал был дряхлым и обшарпанным — длинные, покрытые сатиновыми чехлами деревянные скамьи, громоздкая обшарпанная тумба посреди сцены, задником для которой служил большой отрез мешковины, прибитый торчащими наружу гвоздями к широкой доске, закрепленной под потолком; в углу скучало расстроенное, выдавшее виды, пианино. Ветхие стены, завешанные портретами знаменитых писателей, хранили печать неблагоустроенности.

...Театр начинается с вешалки! Если так, то в подвале он заканчивался там же, возле двух рядов неглубоко вбитых гвоздей, тянувшихся от входа до небольшого закутка, где стояло ведро, предназначенное... впрочем, водопровода тоже не было.

— А что вы так далеко сели? — приветливо улыбаясь, спросил старик. — Идите сюда, к нам. Чайку попейте. Поговорим.

— Спасибо, — обрадовался юноша.

— Вы про нас как узнали? — поинтересовался старик. — Или пригласил кто?

— Нет. Я случайно зашел, — честно признался юноша, застенчиво поглядывая на разгоряченных актрис.

— А, ну-ну, — одобрил старик, посмотрев на него внимательно, так, что юноше сделалось неловко, и он отвел глаза.

И действительно, он зашел случайно.

В сквере, возле моста, неподалеку от летнего кафе, его привлекла странная надпись. На проржавевшем металлическом щите, рядом с шашлычным и пивным меню, кривыми буквами было выведено слово «Театр». Ничего похожего на театр поблизости не оказалось, однако, пройдя чуть далее, юноша увидел такую же надпись на шатком заборе — косо намалеванная стрелка указывала на низкую ржавую дверь ведущую в подвал жилого дома. Рядом была прищиплена бумажная афиша, а под крохотным бетонным козырьком тускло мерцала электрическая лампочка.

Обойдя огромную лужу, которая каким-то чудом не высохла, несмотря на несносную жару, юноша потянул тяжелую дверь и вошел внутрь.

Ему сразу не понравился старик. В его облике было что-то неприятное и даже отталкивающее. Казалось, в глазах его не хватало чего-то необходимого — они были холодны и безжизненны, как у человека, потерявшего последнюю веру в человечество, знающего все обо всем и не надеющегося встретить в этом мире ничего нового и интересного.

Всего актеров было семь человек, трое мужчин, включая старика, и четыре девицы. Они тихо переговаривались, курили и пили чай.

— Простите, — вежливо спросил юноша, — а почему нет зрителей?

— Хе-хе. Почему, — невесело засмеялся старик. — Мы тоже хотели бы знать: почему?

— Но ведь можно пригласить знакомых.

— Так уж все знакомые этот спектакль видели, — старик обреченно махнул рукой. — Никто не придет.

— И не раз! — добавила игравшая злодейку томная красавица и улыбнулась юноше.

— Даже если придет всего один человек, мы будем играть так же, как для ста! — решительно заявил старик.

— Для настоящего актера важна сцена, а не количество поклонников или поклонниц!

От этих слов актеры загрустили и взоры красавиц затуманились.

Тогда старик запустил руку под стол и выудил оттуда бутылку вина.

— Ну, по маленькой! Для отдохновения...

Разговор сразу оживился. Хотя говорил преимущественно старик, а все остальные пили и слушали.

— Актер во время игры должен видеть картины, — педагогично изрек старик, осушая рюмку. — Что вижу? Вот главный вопрос! Играю и смотрю, как в кино. А иначе, это будет простое кривляние, не имеющее никакого отношения к искусству, когда артист выходит на сцену не для того, чтобы проживать роль, а для того, чтобы продемонстрировать себя и свои достоинства, у кого что есть. Если видит актер, то и зритель тоже будет видеть.

Старик допил рюмку, поглядел на юношу и ласково улыбнулся.

— Хочешь играть?

— Не знаю, — смутился юноша. — Может быть, потом.

Но старик схватил со стола какую-то толстенную книгу, быстро раскрыл ее и протянул юноше.

— На! Иди, читай вслух.

— На сцену?

— На сцену.

Юноша неуверенно взял книгу, покорно вышел на сцену и, волнуясь, прочел небольшой отрывок из какой-то пьесы.

— Теперь играй! — потребовал старик.

Юноша растерялся. Он недоуменно взглянул на старика, надеясь, что тот шутит, но старик был серьезен, а красавицы-актрисы, внимательно и оценивающе следили за ним.

— Я так не могу, — робко извинился юноша.

— Попробуй. Не бойся, — уговаривал старик. — Тебе понравится.

Что значит «играть» и как это делается, юноша не представлял. Оставалось либо отказаться, либо попробовать изобразить хоть что-нибудь в присутствии этих молодых красивых женщин, которые, признаюсь, сильно его волновали. Еще во время спектакля юноша влюбился в одну из них, в ее жгучие, слегка раскосые черные глаза, в которых кипела такая необузданная страсть, что каждый ее взгляд пронзал его точно молния.

— Играй, что помнишь, — напутствовал старик, — своими словами! Начинай!

Бедный юноша попытался начать.

С первых же слов, он почувствовал, что его собственный голос вдруг сделался чужим, непривычно и странно зазвучав среди возникшей тишины; все вокруг отвлекало его; не зная, куда деть глаза, он, наконец, уставил их в пол; сердце бешено стучало, а тело охватила предательская, нервная дрожь.

Мучительно вспоминая текст, он разболтанно заходил по сцене, нелепо размахивая руками и, декламируя то, что помнил из роли. Догадываясь, что со стороны, вероятно, выглядит чудовищно, и от этого еще сильнее смущаясь, юноша зашепшил, скомкал концовку и, судорожно вздохнув, остановился.

— Ну, ладно, молодец, — похвалил старик. — Садись, отдыхай. Не все сразу.

Тем временем, сбегали за второй.

— Хотим танцевать! — капризно заявили девицы и устремились на сцену.

После третьей плясали все, и даже старик, не желая отставать, пустился в пляс.

Актриса с колдовскими глазами подошла к юноше и, обвив руками его шею, увлекла за собой. Едва их лица приблизились, она прижалась к нему, охватив его губы пьянящим поцелуем.

— Твои глаза, как голубые брызги! — жарко прошептала она.

Все это видели, а старик, лихо отплясывая, завопил:

— Сейчас нас всех изнасилуют!

— Хорошо бы! — поддержала одна из девиц.

В голове юноши стоял сладкий туман. Все произошло так неожиданно и замечательно, что он не мог в это поверить. Едва вновь зазвучала музыка, он устремился к актрисе, но она коварно отвернулась от него и, повиснув

на шею кудрявого гитариста, прильнула к его губам с той же неистовой страстью, с которой мгновение назад целовала отвергнутого теперь юношу.

«Вот это да!» — подумал юноша, застыв на месте.

— Не грусти. Она со всеми так, — услышал он над ухом чей-то участливый баритон, — со стариком тоже. Она у него живет.

На мгновение юноша утратил дар речи. Кто-то бережно взял его под руки и, отведя в сторону, усадил на лавку.

— Уж я-то знаю, — заверил его баритон, принадлежавший толстяку с бакенбардами. — Они тут все друг с другом перетрахались, а старик к тому ж еще и голубой.

Юноша недоверчиво покосился на толстяка, но глаза у того были пьяные и честные.

— Слушай, парень, — обнял его за плечи баритон, — ты мне чем-то симпатичен и поэтому я хочу дать тебе один совет. — Он сделал паузу и пожевал губами. — Беги отсюда, пока они тебя не сожрали!

— В каком смысле? — не понял юноша.

— В таком. Сам думай, в каком, — таинственно заключил баритон и погрузился в молчаливую задумчивость.

Безудержная пляска угасала. Близилась полночь; гасили свет, убирали со стола пустые рюмки и чашки, прятали недоеденную колбасу. Утомленные девицы разом закурили.

Юноша почувствовал страшную усталость; виски ныли, словно кто-то невидимый пытался просверлить их насквозь.

— Устал? — услышал он голос старика и, подняв голову, мучительно улыбнулся.

Старик весело глядел на него и, казалось, был очень доволен.

— Приходи завтра. Придешь?

— Не знаю, — замылся юноша, — может быть.

— Ну, гляди сам, — позволил старик. — У нас посещение свободное.

Когда юноша вышел за дверь, яркая луна плыла в кружеве облаков; вокруг было тихо, лишь за деревьями шумел город. На лавочке в сквере бойко судачили старушки.

— Гляди-ка, пошел, петух крашенный! — услышал юноша и, втянув голову в плечи, прибавил ходу.

Тем временем в подвале старик обнимал смеющуюся актрису.

— Что, Томочка, птенчик, думаешь, придет? — спросил он ее.

— Придет. Я чувствую, — ответила она и улыбнулась той зловещей улыбкой, какой улыбалась на сцене во время спектакля.

Но на следующий день юноша не пришел. Не пришел он и через неделю, и через месяц.

Иногда, по вечерам, он вспоминал свое приключение и поглядывал в сторону театра. Идти туда вновь ему не хотелось. Во-первых, из-за старика, а во-вторых, из-за той обидной истории с поцелуем.

Прошло полгода, прежде чем юноша вновь пришел в подвал и обнаружил там одиноко склонившегося над столом, печального старика.

— Здравствуйте, — сказал он, спускаясь по лестнице.

Старик чуть качнулся на высоком табурете и поднял седую голову.

— Здравствуй, дорогой. Хе-хе, — улыбнулся он. — Заходи, пожалуйста. Чайку хочешь?

— Спасибо. А где все? — спросил юноша.

— А кто его знает? — погрузился старик. — Разбежались...

Юноша осторожно присел. Чашки на столе сверкали малахитовой плесенью.

— Понимаешь, нет? — встрепенулся старик. — Каждый думает, что без него студия погибнет и поэтому начинает вести себя соответствующим образом. Но это не так! Это глупость, произошедшая от недомыслия! — он полез в пиджак, вытащил из кармана пачку сигарет и, достав оттуда одну, бросил пачку на стол. — Им всем кажется, что они теряли здесь время, что все это нужно одному только мне! А ведь это я научил их всему, что они теперь знают и умеют: правильно ходить, говорить, думать и чувствовать! — он закурил, резко поднялся и нервно прошелся по залу. — Но они хотят только брать, хапать, а актер должен в первую очередь уметь отдавать, дарить людям то, что он накопил в своей душе и если он этого не умеет или не хочет, то, рано или поздно, он бросает сцену!

Старик налил себе чаю и отхлебнул.

— Да что говорить. Твари. Самые хорошие вещи из гардероба утащили, — он окончательно успокоился и сел за стол. — Ну, да ладно. Дурачье. Обидно. Дело-то интересное.

Юноше стало жаль студию, жаль тот вечер с танцами, вином и поцелуями. Он взял в руки гитару и, перебирая аккорды, решил, что пришел зря.

— Послушай, — оживился старик, и глаза его потеплели. — Так ты на гитаре играешь?

— Чуть-чуть играю.

— Вот хорошо-то! А я тут знаешь, хе-хе, стихи пишу. Может, удастся их как-нибудь на музыку положить?